

Балет невылупившихся птенцов на органе

Легендарный француз Жан Гийю дал еще один концерт

Андрей Хрипин

«Краутерконцерт» – одно из позитивных завоеваний прошлого сезона по части гастрольно-концертного бизнеса в области классики – продолжает в том же духе. Стать внезапным лидером на этом рынке артистическому агентству Александра Краутера помогли не только четкая организация процесса, «вкусные» имена гастролеров (Зубин Мета, Марта Аргерих, Кэтлин Бэттл) и претенциозно-стильное ноу-хау (фестиваль «Черешневый лес»), но и умение делать дело красиво – особенно это очевидно на фоне неопитства, попсового душка и профессиональной неэлегантности, чем грешат иные продюсерские компании.

Краутер привез в Москву человека-легенду – французского органиста, импровизатора и композитора Жана Гийю, маститого старца, признанного лучшим в своем деле (о первом концерте маэстро – «НГ» от 04.03.03). На родине его сравнивают с Бахом и Мессианом. Подобно своим великим предшественникам, мсье Гийю служит церковным органистом и сопровождает все богослужения в церкви Св. Евстафия в Париже (отсюда, возможно, и несколько непривычные для концертной ситуации особенности его игры). В первом концерте в Большом зале консерватории Гийю играл баховские сонаты для виолончели и органа с Александром Князевым и открыл нашей публике Фантазию и Фугу Листа на тему Мейербера. Вторым концерт состоялся в Зале имени Чайковского, где партнершей мэтра – «Шерше ля фам!» – стала, конечно же, су-

но и плоскостно, но это, как известно, большой плюс для барочной музыки. В ариях Баха («Страсти по Матфею», кантата № 21, «Кофейная кантата») и Генделя («Ринальдо», «Юстиниан», кантата Lungi dal mio del Nume) г-жа Краутер была на своем месте, слушать ее было приятно по причине обаятельной музыкальности, хорошего произношения (особенно немецкого) и того, что называется «жить в музыке» – это свойство своей натуры, может быть, несколько переживая, певица продемонстрировала в многочисленных проигрышах и вступлениях. Не всегда на высоте был ансамблевый баланс, но, как не без юмора заметили в антракте в компании Владимира Федосеева и Ольги Доброхотовой, петь, конечно, всегда легче с дирижером (с чем можно и поспорить, вспомнив октябрьский концерт гг. Френи и Гяурова).

Интерпретация цикла Мусоргского если и стала сенсацией, то как неразрешившееся противоречие. Осознание риска несколько сковывало – причем публику даже больше. Ощущение непривычности царяло слух – представьте, что мелодию для флейты заиграет, скажем, альт или партию Керубино, написанную для высокого женского голоса, вдруг запоет тенор. Иногда попахивало «самодельностью»: такие пьесы, как «Гном» или «Балет невылупившихся птенцов», не поддались органной фактуре и были исполнены на грани прилизанности.

В своих транскрипциях Гийю ставит неимоверно сложные задачи перед таким эпическим и не слишком-то склонным к быстрому темпу и мелкой технике инструментом, как орган – но, самое грустное, что ни свет мудрого мастерства, ни проникновение в самую суть

Эльфообразному гению простили все ошибки

пруга г-на Краутера, сопрано из Литвы Наталья Краутер.

Театральную иллюзию создавали таинственный полумрак и тональная малиновая подсветка. И когда на полукруг сцены вышел сухопарый, эльфообразный человек без возраста – и с грациозной ловкостью балетных одним махом скользнул за инструмент, где, как опытный боец, сначала проверил готовность всех мануалов и клавиатур, в Зале Чайковского повисла благоговейная тишина. Мастер начал с соль-минорного концерта Генделя с собственными каденциями, но все, конечно, ждали второго отделения, где были обещаны «Картинки с выставки» Мусоргского и импровизации на темы, предложенные слушателями.

Скромное камерное сопрано литовской певицы наделено, как говорят, хоровым тембром, то есть по сути своей бесцвет-

музыки уже не гарантируют технического совершенства. Тут, безусловно, дает себя знать возраст. Метроритмическая неровность музыкальной ткани в технически неудобных местах, смазанные быстрые пассажи, грязные аккорды... Но когда есть главное – а в данном случае присутствовало даже и нечто сверхъестественное, – то подобные детали так и остаются деталями, а на сцене царит не поддающееся анализу разума чудо.

Второй раз зал рассмеялся, когда среди трех выбранных для импровизации тем оказались «Подмосковные вечера» (записки с нотными примерами в антракте мог положить на бордюр сцены любой), а первый раз – когда в паузе между очередными «картинками» чей-то мобильный телефон заиграл канкан Оффенбаха. И это тоже было частью чуда.